

Екатерина Неволина

Мраморное сердце

*Часть сборника
Улыбка демона (сборник)*

Екатерина Александровна Неволина

Мраморное сердце

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3949745

Неволина Е. и др. Улыбка демона : повести: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-55135-4

Аннотация

Рим заворожил Катю. Вечный город был необычным, потрясающим, волшебным! Неудивительно, что именно здесь девушка увидела ЕГО. И с первого взгляда влюбилась... в старинную статую, украшающую один из мостов. Прекрасный мраморный юноша казался живым, и все, о чем мечтала Катя, – это встретить его наяву. Однажды ее мечта осуществилась...

Содержание

Заметка № 1	4
Заметка № 2	16
Заметка № 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Екатерина Неволина

Мраморное сердце

Тому, кто рядом со мной

Заметка № 1

Рим и еще раз Рим!

Едва выйдя из здания аэропорта и вдохнув теплый, едва пахнувший незнакомыми ароматами воздух, я подумала, что перенеслась из января прямым в май.

– Италия, девчонки! Слышите – Италия! – воскликнула Наташка. – Вы хоть понимаете, где мы очутились? Вечный город Рим! Аве Цезарь!

Ее темные волосы растрепались, помада в уголке губ размазалась, однако янтарно-карие глаза сияли таким восторгом, что это искупало все. Наташка сейчас казалась красавицей.

Проходящая мимо женщина, тащащая за собой огромный чемодан на колесиках, недоуменно оглянулась.

Мы со Светкой обменялись быстрыми взглядами. Наташка – самая восторженная из нас, Светка – самая практичная. А я – так себе, серединка на половинку. У меня и по психологическим тестам всегда выходит промежуточный резуль-

тат.

Пока Светка пошла отмечать нас у встречающего гида, мы с Наташкой с любопытством оглядывались, обозревая окрестности.

– Знаешь, как называется этот аэропорт? Leonardo da Vinci! – сообщила с гордостью Наташка, хотя только слепой не разглядел бы огромные буквы названия аэропорта. – Здорово тут у них! С первых же шагов окунаешься в искусство!

Я скептически посмотрела на толпу, наводнившую аэропорт. Чемоданы, сумки, сумочки и сумищи, выражение на лицах – озабоченное или напряженное. Нет, поистине нужно быть Наташкой, чтобы углядеть в этом хоть какую-то красоту и романтику.

– Нам туда! – ткнула в направлении одного из припаркованных на стоянке автобусов вернувшаяся Светка.

Мы подошли к автобусу и положили в багажное отделение сумки, однако заходить пока что не стали: хотелось еще надышаться этим весенним воздухом. Очутиться в Риме после заснеженной промерзшей Москвы казалось настоящим чудом.

– Девочки, вы из моей группы? Садитесь в автобус, уже отъезжаем, – поторопила нас худощавая низенькая женщина.

Светка, как раз успевшая вытащить сигарету, с досадой смяла ее, и наша троица влезла в автобус.

Наверное, прежде всего стоит сказать несколько слов о

нас.

Мы, все трое, учимся в Лите на втором курсе. Лит – это, если кому интересно, Литературный институт имени Горького, а мы – не просто симпатичные девушки, а очеловеченное будущее русской литературы. Иногда, знакомясь с кем-нибудь, мы, чтобы позабавиться, просим угадать, кто из нас что пишет.

Глядя на Светку – хрупкую блондинку с небесно-голубыми глазами и одухотворенным лицом, легко заподозрить ее в склонности к поэзии или, на худой конец, фэнтези про изящных эльфиек и странствующих менестрелей. Однако ничуть не бывало! Светка пишет серьезные рассказы, многие из которых несут в себе яркий социальный подтекст. Последний из обсуждаемых на творческом семинаре Светкин рассказ про бомжа в метро был признан Семеном Петровичем – руководителем творческого семинара – самым реалистичным, актуальным и ярким из всех рассмотренных в это полугодие работ.

А вот Наташка, несмотря на весьма прозаическую внешность – небольшой рост, плотное телосложение, лишенные утонченного изящества черты лица, – как раз увлечена фэнтези и прочит себе будущее Толкиена или хотя бы Стефани Майер, проявляя завидное упорство и мужество в спорах с Семеном Петровичем, пытающимся направить ее на тернистый путь реализма.

У Светы есть молодой человек – серьезный, как ее рас-

сказы, будущий экономист и банкир, уже сейчас готова поручиться, что весьма успешный.

Наташка пока без парня, но даже не потому, что нет никаких вариантов. Тут дело в высокой планке, по которой она меряет претендентов. Судя по всему, ее бойфренд должен быть красив, талантлив и успешен, как Джонни Депп, романтичен и влюблен, как герои Орlando Блума, а к тому же верен, заботлив, хорош в компании и прочая, прочая...

Ну вот, Светку и Наташку вы уже немного знаете. А я – Катя.

Описывать мою внешность не имеет особого смысла. Возьмите среднестатистическую москвичку лет девятнадцати-двадцати – и получите достоверный мой портрет. Не слишком высокая, среднего, ближе к худощавому, сложения (пятьдесят девять килограммов при росте метр шестьдесят восемь), среднерусые волосы, опять-таки, как вы догадываетесь, средней длины – чуть ниже плеч. Единственная отличительная деталь моей внешности – это глаза, меняющие цвет в зависимости от настроения, освещения, погодных условий – в диапазоне от темно-серого до пронзительно-синего. Светка, например, уверяет, что моментально и точно считывает мое настроение именно по глазам.

Теперь про творчество. Как говорит руководитель нашего семинара, приняли меня в Лит от недобора – авансом. Под моим пером (читайте: на экране моего ноута) не расцветают пышным цветом повести и романы, более того, в моем поле

не колосятся тучные рассказы, готовые в любой момент составить авторский сборник. Мой жанр – миниатюра. Совсем крохотный кусочек текста, чаще всего посвященный всего одной эмоции. Получая такую работу, Семен Петрович всякий раз укоризненно качает головой.

– Ну ты, Николаева, бумагу на вес золота ценишь, – вздыхает он, с разных сторон оглядывая полстранички принесенного мною в клювике текста, и вправду жалко выглядящие на фоне пухлых папочек, вмещающих творения моих одаренных сокурсников. – Написала – словно украла. Ну скажи, когда я от тебя полноценное произведение получу?

Полноценное – это страниц на десять, лучше на двадцать. Недостижимый для меня объем.

Я горько вздыхаю и виновато опускаю глаза к истоптанному ногами будущих литературных гениев полу.

Светка и Наташка тоже считают, что мне нужно писать больше и чаще. Вот поэтому вести путевые заметки поручено именно мне (что я и делаю, положив ноутбук на колени и изредка поглядывая в окно автобуса, из которого видны узкие улочки и зреющие на деревьях апельсины (надо посмотреть поближе – вдруг ненастоящие!)).

Но, прежде чем приступить к перечислению красот благословенной Италии и вечного старого Рима, закончу собственную нелицеприятную характеристику.

С личной жизнью у меня также неопределенно. Да, есть парень, с которым мы встречаемся еще с одиннадцатого

класса, но встречаемся так, вяленько. Примерно раз в месяц ходим куда-нибудь в кафе или в кино, посещаем дни рождения друг друга – вот и вся обязательная программа. Но меня она даже устраивает: парень у меня есть, поэтому на всякие глупые вопросы о личной жизни могу отвечать, совершенно не задумываясь, а с другой стороны – полная свобода и возможность в любой момент закрутить новый роман, если на пути вдруг попадется принц, не прельстившийся Светкиной красотой и не подходящий под Наташкины высокие требования. Думаю, мой парень Сашка относится ко мне примерно так же, хотя мы никогда не говорили с ним о чувствах, ограничиваясь обсуждением литературных и кинематографических достижений.

Последние строки я дописывала уже в номере, пока Света и Наташа глазели в окно, из которого открывался вид на древнеримские термы, принимали душ и переодевались перед вылазкой в город.

– Ну что, летописец эпохи, увлеклась? – окликнула меня Наташка, прикладывая к себе ярко-красное платье и романтическую голубую кофточку с пышными рукавами. – Скажи лучше, что из этого выбрать.

Я с сомнением посмотрела на подругу и пожала плечами:

– Что ни надевай, все равно курткой закроешь. Здесь, конечно, не Москва, но плюс семнадцать – еще и не лето.

– Надевай кофту и джинсы! – порекомендовала, высунув-

шись из ванной, Светка, закутанная в большое белое полотенце.

– Нет, платье все-таки романтичнее! – решила Наташка, откладывая кофточку в сторону.

– Вот всегда так! Зачем совета спрашивала, если все равно по-своему поступаешь? – занудствовала Светка.

– А разве не знаешь поговорку: спроси у женщины и сделай наоборот! – огрызнулась Наташка. – Ладно, девчонки, одевайтесь уже, и пойдем.

Я тоже сбегала в ванную и натянула привычные джинсы и неброскую черную водолазку. Пусть не так ярко, зато практично и не холодно. Черные высокие ботинки из «Экко» и черная же кожаная куртка довершили мой наряд. На минуту мы, все трое, оказались перед одним зеркалом. Очень разные и вместе с тем дополняющие друг друга. Глядя на наши отражения, я успела привычно подумать, что не так красива, как Света, и не так ярка, как Наташа. В общем, серединка на половинку, что еще сказать.

– Ну, девочки, идем? – Света извлекла из сумки карту и путеводитель, благоразумно захваченные из Москвы. Насколько я ее знаю, у нее уже и маршрут составлен.

– Идем, – хором согласились мы с Наташкой.

Я чувствовала себя странно. Одновременно и спешила на свидание с городом, и хотела оттянуть минуту встречи, продлевая удовольствие – то, что бывает, когда только стоишь на пороге, предчувствуя и предвкушая. Такие мгновения порой

стоят даже больше, чем само удовольствие.

Но вот стеклянные двери гостиницы уже позади, и мы идем по залитой солнцем улице.

Рим оказался необыкновенен: узкие улочки с невысокими домами, за которыми прятались причудливые соборы с витражами, бросавшими на пол яркие цветные блики; круглые площади с непременным фонтаном посередине; дома, где на двери красовались старинные гербы; апельсиновые деревья, на которых созревали ярко-оранжевые сочные плоды...

К счастью, отель, в котором остановилась наша группа, располагался почти в центре, неподалеку от железнодорожного вокзала, поэтому нам не потребовалось спускаться в метро. Света отлично ориентировалась на местности (и что бы мы с Наташкой без нее делали? Скорее всего, просто шли бы куда глаза глядят), и вскоре мы вышли к Колизею.

Эта махина действительно производила впечатление: высокие стены, пустые арочные глазницы... Нарушало идеальность картины только одно: туристы, которые, словно муравьи, так и толпились у стен древнего сооружения. Да, мы сами из таких, но все же мне стало неприятно смотреть на других любопытных, словно мы одни имели право прикоснуться к тайне. Только мы – и более никто.

Мы постояли немного у стен.

– Ах, девчонки, если бы вдруг очутиться там, в прошлом! – задумчиво проговорила Наташка, любовно поглаживая серый камень. – Как было бы здорово!

– Ты уверена? – скептически улыбнулась Светка. – Представь, кем бы нас посчитали в то время в нашей одежде да с нашим знанием древних обычаев.

– Ну вот, всегда ты все портишь, – надулась Наташка.

– Я не порчу. Я конкретизирую...

Сколько мы знакомы, Светка с Наташкой вечно спорят по любому поводу, зато, кажется, и дня не могут просуществовать друг без друга.

Я отвернулась, не слушая их привычной перепалки, и все смотрела на стены Колизея, словно нарисованные на фоне ярко-синего, необычайной глубины неба. Так красиво, что даже нереально. Совсем рядом с Колизеем лежали форумы, в античные времена сосредоточие культурной и общественной жизни. Неужели я действительно нахожусь здесь, в самом центре могущественной древней империи, и по этой земле когда-то шли Юлий Цезарь и Октавиан Август, маршировали победные римские легионы, и ветер раздувал короткие алые плащи, а солнце отражалось от начищенных рукояток мечей, где-то здесь играл на своей кифаре мнящий себя великим артистом рыжебородый матереубийца Нерон и шептали бескровными губами молитвы влекомые на страшную казнь первые христиане...

– Ну вот, опять ты не с нами!

Я вздрогнула и наконец обратила внимание на Светку, которая, похоже, уже некоторое время размахивала у меня перед лицом руками.

– Ну вот, – то ли пожаловалась, то ли просто констатировала печальный факт Светка, – у всех подружки как подружки, а у меня инопланетянки. Я тебя прощу, если только ты скажешь, что обдумывала замысел грандиозного романа.

Я с виноватым видом развела руками:

– Я бы сказала, но есть одна проблема... Я никогда не лгу!

– Светка, у нас в друзьях самый правдивый человек на земле! Сразу после барона Мюнхгаузена! – засмеялась Наташка.

Проголодавшись, мы купили по булочке, но тут же скормили свою добычу голубям, жадно набросившимся на вожаделенные крошки. Это так здорово – кормить голубей перед зданием Римского сената!..

Мы бродили по Риму до самого вечера, и вскоре впечатления слились в один огромный запутанный клубок.

– Ну все, перейдем этот мост – и обратно. Надо еще успеть на ужин, – объявила Светка.

Мы ступили на мост, украшенный умело подсвеченными фигурами, и тут я замерла потому, что увидела Его.

Он стоял с обнаженным мечом в руке и перистыми ангельскими крыльями за спиной. Черты лица – правильные и удивительно гармоничные – дышали жизнью, а полураскрытые губы, казалось, вот-вот потревожит легкое дыхание.

Я видела Его ясно, каждую черточку, и понимала, что никогда в своей жизни не встречала никого столь же прекрасного. Завороженная, я шагнула к Нему и... рука коснулась

обжигающе холодного камня.

Но при чем здесь камень, когда он – живой! Я же чувствую это! Сердце учащенно билось в груди, а я все вглядывалась в высеченное из мрамора лицо, словно надеясь на то, что Он взглянет на меня, а по губам вдруг скользнет улыбка.

– Катя, ну что с тобой опять!

Я молчала, вдруг почувствовав всю бесполезность слов.

– Кажется, она нашла свой идеал! Бедный Сашка! – засмеялась Наташа.

Я наконец взглянула на нее, чувствуя раздражение. При чем здесь Сашка! Разве можно сравнивать обычного московского парня с Ним! Если бы только Он был живой! Если бы только мне можно было смотреть на Него! Просто смотреть, не отрываясь, жадно впитывая каждое движение, каждый изгиб губ. Знать бы, как он улыбается и как хмурится, как спит и просыпается, как звучит его голос, какая у Него походка, манера говорить и двигаться...

– Ау, ты с нами?!

В горле запершило. И почему я не одна?

– И чем он тебе понравился? – продолжала Наташка. – Статуя как статуя. Таких в Риме, наверное, миллион. Ты перед каждой будешь так застревать? Я понимаю, если это бы был, скажем, Леголас... – закончила она мечтательным голосом.

– Вы обе маньячки! – покачала головой Света. – Лично я предпочитаю нормальных живых парней и... горячий ужин.

– Да, ужин оказался бы сейчас весьма кстати, – против обыкновения тут же согласилась Наташка. – Ну пойдем уже! Холодно и есть хочется!

Они взяли меня под руки с обеих сторон и повели прочь, словно маленькую девочку.

Уходя с моста, я оглянулась, чтобы еще раз посмотреть на Него, и мне вдруг показалось, что фигура едва заметно пошевелилась. Естественно, глупости, просто игра света.

...А в темном небе уже зажигались звезды и висела половинка луны, повернутая иначе, чем это бывает у нас.

Заметка № 2

Один лишь взгляд

Я села за ноут, чтобы написать о Риме, а между тем все равно пишу о Нем. Я все думаю, как Он стоит там на мосту, в темноте, когда над головой только звездное небо. Сколько Он уже там, прикованный к своему постаменту. Одинок в посреди заполненного туристами города. Если бы можно было обнять Его и вдохнуть частичку своего тепла... Если бы взять Его за руку и вдруг почувствовать ответную дрожь пальцев... Нет, этого никогда не будет. Он слишком совершенен, чтобы быть живым, а между нами – века и холод бездушного мрамора, тяжелой броней заковавшего Его сердце. Если бы можно было растопить весь этот лед, я заплатила бы высокую цену...

Нет, ерунда, пустые мечтания. Я же знаю, что этого никогда не случится.

Но если бы только...

Всю ночь мне снились странные сны. Я искала кого-то, блуждая по узким запутанным улочкам незнакомого города. Я бежала по булыжной мостовой, спотыкаясь и падая, но поднималась и снова упрямо стремилась куда-то. «Имя! Мне нужно позвать его по имени, и он обязательно откликнется!»

– догадалась я, но вдруг с ужасом поняла, что не знаю его имени!

Я проснулась, чувствуя, что мои щеки мокры от слез. Когда я в последний раз плакала во сне? Уже и не помню, кажется, в прошлой жизни.

На часах было семь по итальянскому времени. Будильник заведен на половину восьмого. Я чувствовала, что не засну. Впрочем, спать полчаса не имело никакого смысла. Прислонившись к спинке кровати, я смотрела на окно. Через щели жалюзи пробивался свет. С улицы доносился шум: гул машин, звуки незнакомой речи... Сердце едва ощутимо саднило. Кажется, я схожу с ума. Влюбиться в статую – это надо было до такого додуматься! Никогда не подозревала в себе столь пылкого воображения. Я бы поняла, если бы на моем месте была Наташка, но я... Выходит, никогда не знаешь, какую подлянку можно ожидать от себя же!

А все же интересно, прообраз этой скульптуры – фантазия скульптора или живой человек, живший когда-то в этих краях?... Любопытно, кем он был и как его все-таки звали...

С утра нам предстояла поездка в Ватикан, единственная, заказанная нами через турфирму, – остальное время от отпущенной нам недели мы с подругами планировали развлекаться самостоятельно.

Мы быстро позавтракали и поехали. Признаюсь, ожидала от Ватикана чего-то большего. Вся эта позолота и густая

фактурная живопись с обилием фигур и предметов подействовали на меня скорее угнетающе. Впрочем, вероятно, это мое личное восприятие, потому что Света и Наташа остались в восторге и еще долгое время обсуждали картину Страшного суда, увиденную в знаменитой Сикстинской капелле, я же из картины запомнила только огромные отвратительно-бугристые ляжки какого-то пророка.

В этот день я часто ловила себя на том, что надолго замирала, остановившись перед какой-нибудь картиной, но не видя при этом произведения искусства, перед которым стояла.

– Катя, ну сколько тебя можно ждать? – окликала нетерпеливая Наташка, которой хотелось бежать дальше в погоне за новыми впечатлениями. – И что тебе здесь понравилось? Фи, какой уродливый старик!

Вздрогнув, я приходила в себя и понимала, что действительно застыла перед портретом какого-то кардинала, похожего на лежалый сморщенный стручок фасоли.

– Э... Интересный ракурс, – выдавливала я из себя, чтобы совсем уж не упасть лицом в грязь.

– Какая-то ты сегодня странная, – добавила Светка, уже давно вглядывающаяся в мое лицо. – И глаза такие синие, опасные. Не влюбилась ли ты часом?

– Ага! Во вчерашнюю статую! – хихикнула Наташка.

А я почувствовала, что краснею, и сердито отвернулась. Вот еще глупости! Расскажи кому-нибудь – ведь не поверят!

Наваждение. Это только наваждение, а может, еще опасный воздух Рима, дохнувший мне в лицо весной.

После посещения Ватикана у нас была обзорная экскурсия по городу, напоминавшая, на мой взгляд, скорее занятия по спортивной подготовке. Ее суть – преследование гида в условиях труднопроходимых из-за обилия людей римских улиц. Пока шла экскурсия, я все надеялась, что мы будем пересекать тот самый мост и я снова увижу Его. Но напрасно. Церковь, Пантеон, посвященный древним языческим богам, форумы и уже знакомый нам Колизей – вот и вся программа-минимум. Набегавшаяся за утро (от нас) гид с явным облегчением распрощалась с группой и отбыла. А мы оказались предоставлены сами себе.

Первым делом мы пошли искать место, где бы пообедать, и, свернув с центральной улицы, оказались в небольшом переулке, где обнаружилась приятная пиццерия. Взяли пиццу, капучино и сели за столик у окна.

– Ну вот, девчонки, сейчас оглашу дальнейшую программу, – объявила Светка, одной рукой держась за чашку с кофе, другой листая путеводитель. – Во-первых, нам все-таки надо попасть внутрь Колизея. Быть в Риме и не посетить Колизей – нонсенс. Во-вторых, направимся на Капитолийский холм. Именно с него начинался Рим. Помните же эту историю про Ромула и Рема, воспитанных волчицей и решивших построить новый город?..

Мы с Наташкой утвердительно промычали в ответ.

– Кстати, Капитолийские музеи – место, в котором определенно нужно побывать, – продолжала Света, не поднимая головы от книжки. – «Один из самых значительных музейных комплексов Рима берет свое начало в тысяча четыреста семьдесят первом году. Капитолийские музеи расположены на площади Капитолия в стоящих друг напротив друга зеркально-симметричных зданиях. Обширная коллекция состоит из произведений искусства Древнего Рима, непревзойденных работ скульптора Бернини, художника Караваджо. Открыт с девяти ноль-ноль до девятнадцати ноль-ноль. Выходной день – понедельник», – зачитала она. – Ну что, идем?

– Ну... – Наташка с блаженным выражением лица откусила кусок пиццы. – А что, если не идти в музей? Может, просто по улицам побродим?

Она в поисках поддержки посмотрела на меня, но Светку не так легко сбить с толку.

– Мы уже вчера просто так гуляли! – возразила она. – Это же позор: побывать в Риме и не посетить самые значимые места! В нашем распоряжении неделя, два дня из которой мы уже профукали!

– Не то чтобы совсем профукали! – возразила я, чувствуя, что отчего-то начинаю злиться. – Я, например, тоже за то, чтобы просто побродить по городу.

Подруга внимательно посмотрела на меня.

– Так и скажи, что снова хочешь на тот мост. И что, бу-

дешь целый день стоять там, плясая на ту статую? – спросила она голосом, в котором уже явно слышались металлические нотки.

Терпение мое почти безгранично и непоколебимо, но иногда и оно дает трещину, и тогда рассыпается уже все, причем с таким звоном и скрежетом, что мало не покажется!

– Да, хочется! – рывкнула я, приподнимаясь со стула. – И это лучше, между прочим, чем для галочки шляться по популярным достопримечательностям!

Лицо Светки покраснело. Она тоже приподнялась со своего места.

– Ах вот ты, значит, как думаешь!..

Наташка, растерянно переводя взгляд со Светки на меня, попыталась вклинить между нами:

– Девочки, ну зачем же ссориться из-за пустяков!..

– Не вмешивайся! – велели мы ей одновременно и замолчали, глядя друг на друга. Между нами был круглый стол, уставленный еще не унесенными подносами с остатками пиццы, и воздух, вдруг сгустившийся до состояния камня. Какое-то краткое, едва уловимое мгновение – и мы вдруг стали врагами.

– Ты сухарь и формалистка! – сказала я, глядя Свете в глаза.

– Ты неудачница! – парировала удар та.

– Девочки! Не надо! – Наташка умоляюще сложила на груди руки.

А меня вдруг и вовсе понесло. Отодвинув свой поднос, я схватила сумку и, бросив сквозь зубы: «Пойду прогуляюсь», вышла из кафе.

Кажется, кто-то пытался меня окликнуть, но я была слишком зла. Не оглядываясь, я выскочила на центральную улицу и скоро затерялась в толпе прохожих.

На сердце было пусто, в голове – ни единой мысли. Я шла и шла. Улицы, как реки, вливались одна в другую, рисуя на ладонях города причудливый узор. Они словно вели меня куда-то, словно среди этих улиц была моя собственная линия судьбы... линия жизни... линия любви.

Говорят, что случайностей не бывает. И я вдруг отчетливо поняла это – в тот момент, когда вышла к знакомому мосту.

Я не помнила дороги и сама ни за что не нашла бы это место даже с помощью карты, но сейчас улицы сами привели меня сюда.

Он стоял, как и прежде, равнодушно-прекрасный. Нет, при свете дня Он показался мне еще более красивым, чем тогда, ночью, и еще более живым. Эта чуть изогнутая линия губ и непокорные волосы, что того и гляди упадут на упрямый лоб, перечеркнув его косой прядью...

– Привет! – сказала я Ему, и Он едва заметно улыбнулся...

Не знаю, сколько я простояла на мосту. Наверное, долго. Потому что, придя в себя, поняла, что ужасно замерзла – от воды тянуло холодом, все-таки зима, хоть и плюс семнадцать... Вечерело, кое-где уже зажглись фонари, бледными

пятнами желтевшие в легких сумерках.

Прохожих было мало, только случайные люди, а я вдруг осознала, что не представляю, куда мне идти. Совсем не знаю даже то, в какую сторону...

«Положусь на удачу. Она уже помогла мне сегодня», – подумала я, пожалев, что поссорилась с девчонками. Интересно, кстати, где они, что делают, ищут ли меня или, забыв обо мне, ходят по парадным залам Капитолийского музея, наслаждаясь выставленными там раритетами.

Куртка мало спасала от холода. Я застегнула ее и глубоко засунула руки в карманы, но все равно дрожь не унималась. Я шла по улицам, но теперь они из друзей вдруг превратились во врагов. Местность была совершенно незнакома. Топографический кретинизм – вот моя беда! Как сейчас пригодились бы аналитический ум и наблюдательность Светки!

– Excuse me! I lose my way!¹ – обратилась я к темноволосому мужчине, но тот пробормотал что-то по-итальянски, очевидно, не поняв меня, и зашагал дальше.

У кого же спросить?

– Ты заблудилась, – произнес вдруг за моей спиной мужской голос – густой и тягучий, как мед, с легким незнакомым мне акцентом. Я никогда не слышала такого красивого и завораживающего тембра.

Мне даже не хотелось оборачиваться, чтобы не разрушать очарование. Не переживу, если обладатель волшебного го-

¹ Извините, я потерялась! (англ.)

лоса – толстый лысый коротышка! А ведь так наверняка и есть. Совершенства не бывает.

Медленно, словно во сне, я оглянулась и почувствовала себя так, словно мне в грудь ударила молния.

Передо мной стоял парень лет, возможно, двадцати, впрочем, я бы не взялась угадывать его возраст – с полудлинными, по плечи, волосами, правильными чертами лица и причудливым изгибом тонко очерченных губ. Но самое главное заключалось в том, что *я его узнала!*

Это он был там, на мосту! Это ему я говорила сегодня «привет». Это он являлся мне во сне. Такого впечатляющего сходства мне не доводилось видеть еще ни разу! Словно сейчас передо мной появилась ожившая статуя.

Чушь! Чепуха! Такого быть не может! Я сплю!

Мысли кометами мелькали во мраке, в который вдруг погрузилось мое сознание, – такие далекие и чужие.

Не может быть! Собравшись с силами, я ущипнула себя за руку, надеясь проснуться. Но нет. Незнакомец по-прежнему стоял передо мной, глядя доброжелательно и немного весело.

– Вы... ты говоришь по-русски, – ляпнула я первое, что пришло мне в голову. Язык едва слушался меня, словно это я была вырезанной из камня статуей.

А!.. Наконец нашла различие! У парня не было перистых крыльев, как у его двойника на мосту! Честно говоря, я бы сейчас и наличию крыльев не слишком-то удивилась.

Парень улыбнулся. У него действительно оказалась завораживающе красивая улыбка. Как раз такая, как я воображала, глядя на его мраморного двойника.

– Мне приходилось бывать в России. Я немного говорю по-русски. Извини, если не слишком чисто, – произнес он.

– Нет, ты хорошо говоришь...

Я смотрела в его глаза – серо-зеленые, оливкового цвета, и чувствовала, что голова плывет, а я впадаю в какое-то странное бредово-восторженное состояние. И почему я решила, что чудес не бывает? Бывает! Вот же оно – чудо! На расстоянии вытянутой руки! И я никогда и ни за что не прощу себе, если упущу его, если дам ему уйти! Ну двойник! Так случается! Я же слышала, что бывают люди, похожие друг на друга, словно две капли воды. Моей маме рассказывали как-то, будто встретили ее в Сочи, поздоровались с ней, а она, мол, посмотрела удивленно и ничего не ответила. Главное в этой истории то, что мама никогда не ездила в Сочи! Вот и сейчас почти что такой случай. Наверняка жил когда-то много веков назад человек, послуживший прототипом той статуи на мосту, а встреченный мной парень просто похож на него. Может, он даже его дальний-дальний потомок. Хромосомы, гены – и никакой тебе мистики!

– Ты куда-нибудь спешишь? – спросил тем временем он.

– Нет...

Я смотрела на него глазами преданной собаки и понимала, что если бы даже спешила куда-либо, это не имело бы

абсолютно никакого значения. Ничего на свете не имело никакого значения, кроме его глаз, кроме его губ...

– Это хорошо. Возможно, ты не откажешься прогуляться со мной? Я покажу тебе настоящий Рим. А потом мы посидим в кафе, где подают настоящее итальянское мороженое, не то, что на улицах. Быть в Риме и не попробовать мороженого – это преступление!

Я кивнула, готовая согласиться на все. Если бы он пригласил меня на аутодафе, я бы, наверное, и то пошла, даже не задумавшись. А тут – в кафе!..

Мы шли с ним рядом. Я едва могла дышать от острого, упоительного счастья. Раньше я и не догадывалась, что счастье – это тоже больно. Я шла совсем рядом, касаясь его плеча. Мне, наверное, впервые в жизни было все равно, что обо мне подумают прохожие. Помню, когда мы гуляли с Сашкой по Москве, тот вечно пытался обнять и поцеловать меня в каком-нибудь людном месте. Я смеялась и отстранялась, чувствуя неприятную неловкость. А теперь никакой неловкости не было. Ни малейшей. Если бы только...

Парень, словно прочтя мои мысли, взял меня за руку. Хотя что уж там мысли читать – по мне и так все видно. Как я на него пялилась! И теперь... О боже! А что, если он считает меня приставучей уродиной?! Я скосила на него глаза, и он ответил мне теплым взглядом. Нет, глядя так, он не может думать обо мне плохо! С плеч словно свалился тяжелый груз.

А потом он и вправду наклонился и коснулся моих губ

своими. Совсем легкое прикосновение, но я вздрогнула от неожиданного пронзительного чувства. Сладость и вместе с тем странная горечь. Именно в этот момент я поняла, что все уже не будет таким, как раньше, что я сама стала другой.

И я, забыв о своей прежней сдержанности, потянулась к нему. Условности, люди – все было забыто, все потеряло свое значение. Я и он. Только это единственно важно и единственно правильно.

Этот поцелуй я не забуду никогда. Соприкосновение губ перестало быть просто прикосновением губ к губам, языка к языку. Он словно целовал мою душу. Мы были одним целым, и мне казалось до смешного странным, что столько лет я жила, не зная этого человека, не ощущая удивительного чувства общности и родства. Без него я казалась себе неполноценным инвалидом.

Мы гуляли по вечернему Риму, целуясь на каждом перекрестке, на каждом мосту. Это было изумительно, великолепно! Город сиял такими яркими красками, каких я не видела еще никогда в жизни. Губы болели от поцелуев, все тело было полно такого счастья, что оно буквально распирало меня. Не знаю, как сердце не разорвалось в тот момент.

И вот мы уже, сидя в кафе, едим мороженое. Действительно, очень вкусное. Не такое, как в Москве. За темным стеклом – огни чужого города, и все же я чувствую себя так, словно нахожусь дома. И все оттого, что он рядом.

Официантка, приносившая мороженое, произнесла что-

то по-итальянски. Мой спутник ответил ей и улыбнулся.

– Что она сказала? – спросила я с тревогой, испытывая ревность оттого, что он говорит с кем-то, кроме меня.

– Она отметила, что мы – красивая пара, – ответил он, но я все равно выцеливала темноволосую девушку ревнивым взглядом, стоило ей только появиться в зале. Это был крупнокалиберный взгляд, и, если бы взгляды могли убивать, я не дала бы за ее жизнь и мелкой монеты.

– Ну вот, уже поздно. Давай я провожу тебя до гостиницы, – предложил мой спутник, когда мы вышли из кафе.

Я кивнула, не решаясь спросить. Меня вдруг охватил ужас. Что, если все происходящее – мой бред, и, стоит нам расстаться, мы больше никогда не встретимся!

– Я приду за тобой завтра. Не бойся, – сказал он, и я сразу поверила и успокоилась.

Он с самого первого мгновения стал для меня всем.

Мы уже подходили к гостинице, когда наперерез нам метнулись две тени.

– Катя! Что же ты творишь! Мы тебя целый день искали!

Наташка со Светкой, налетев на меня ураганом, принялись трясти меня.

– Где ты была? Кто это с тобой?

Я посмотрела на своего спутника с блаженной улыбкой и вдруг осознала, что забыла спросить имя у парня, с которым целовалась! Ниже, казалось бы, пасть уже невозможно, но я отчего-то не почувствовала даже смущения.

– Меня зовут Дис, – представился мой спутник.

Заметка № 3

Чтобы родилось что-то новое, что-то старое должно погибнуть

Есть люди, которым, очевидно, мешает чужое счастье. И, как ни горько осознавать, Светка, которую я считала своей подругой, из таких.

– Дис? Как приятно. И где же вы с Катей познакомились? – спрашивала она, глядя на него так, словно была следователем, допрашивающим особо опасного преступника.

Дис, ничуть не обижаясь, улыбнулся:

– На улице. Катя заблудилась.

– И тут – вы. Как вовремя! И по-русски говорите.

– Свет! – Наташка дернула подругу за рукав, шокированная ее странным поведением.

– Катя, ты хоть понимаешь, что мы волновались, – снова набросилась Светка на меня. – Я понимаю, что вам, – быстрый и весьма недружелюбный взгляд в сторону Диса, – было вдвоем весело. Однако как ты могла поступить таким образом с нами?!

– Свет, ну всякое бывает, – вступилась за меня Наташка.

Она поглядывала в сторону Диса с явной заинтересованностью, и он мило улыбался ей в ответ!

Чувствуя, что внутри все закипает, я притворно зевнула.

– День был долгий. Кто как, а лично я – спать! – произнесла я, чувствуя себя актрисой из погорелого театра. – Дис, увидимся завтра, как договаривались.

– В десять, – он опалил меня взглядом, в котором были сила и нежность, и я почувствовала, что снова таю: так на меня никто и никогда не смотрел.

У стеклянной двери отеля я оглянулась, чтобы взглянуть на него еще раз. Он стоял, небрежно отставив ногу и засунув руки в карманы куртки, а за его спиной чернели тени, вновь напомнившие мне о крыльях. Его неподвижная фигура показалась высеченной из камня, и на миг я испугалась, подумав, а живой ли он. Но тут Дис, словно для того, чтобы успокоить меня, пошевелился и приложил руку к груди. Этот жест, который теоретически мог показаться пошлым и глупым, в его исполнении выглядел пронзительным и вместе с тем величественным. Наверное, я не выдержала бы и бросилась обратно к нему, но Светка втащила меня в холл. Двери за спиной сошлись.

– Какой симпатичный! Повезло же тебе! – вздохнула Наташка, когда мы поднимались к себе на второй этаж.

– А вам не кажется, что он на кого-то похож? – спросила Света ледяным голосом.

– Ой, и точно! – Наташа наморщила нос, пытаясь вспомнить. – Он актер? Мы видели его по телевизору?

– Нет. Вчера. На мосту, – бросила Светка, выходя из лифта.

– А ведь точно! Катя, он ведь и вправду совсем как вчерашний ангел!

– Дис... Что значит «Дис»? Это сокращение от какого-то имени? Как его зовут? – продолжала настаивать Светка.

Я пожала плечами:

– Может, Денис?

– Не может, – отрезала подруга. – Денис – русское имя.

– Тогда Дионис, Диксон или что-то в том же роде, – я совсем не понимала, куда она клонит.

– То есть ты не знаешь его полного имени?

Я поморщилась:

– А ты у всех, с кем знакомишься на улице, сразу же требуешь паспорт?

– Я не знакомлюсь на улице.

И я не знакомилась. Раньше, когда формальности еще казались мне важными.

Как неудачно, что девчонки увидели нас вместе! Дис был моей тайной. Только моей, и мне не нравилось, что ее касались чужие руки. И по какому праву подруги считают себя экспертами в области отношений и под предлогом беспокойства о тебе берутся судить о твоей личной жизни, решая, кто тебе подходит, а кто нет.

– Честно сказать, мне не нравится история с этим знакомством. К тому же Дис так похож на статую, которую мы видели вчера. Точная копия. Странное совпадение, не правда ли? – Светка повернулась ко мне, уставившись мне в глаза.

Этот допрос ужасно раздражал, но я подумала о Дисе, и это сразу придало мне сил и уверенности.

– И на что ты намекаешь? – спросила я равнодушно. – Может, на то, что Дис – это ожившая статуя? Или на то, что итальянская шпионская организация подослала ко мне своего заgrimированного агента, чтобы наконец вызнать великую тайну загадочной русской души? По-моему, при таком ходе мыслей наш руководитель семинара скоро лишится едва ли не последнего оплота серьезности и реализма в нашей группе!

Светка молча открыла дверь в номер.

– Я не знаю, мне просто отчего-то все это очень не нравится, – сказала она, когда я уже перестала ждать от нее ответа.

Я опять пожала плечами – эта неопределенность была очень убедительна – и отправилась в ванную. Встав под теплую струю воды и вылив на мочалку любимый гель – апельсин и корица, – я закрыла глаза. События дня разворачивались передо мной причудливой лентой. Неужели все это действительно было? Мысли кружились в голове, как медлительные, одуревшие от жары пчелы.

Дис! Это имя впечаталось в сердце, заставляя его то замирать, то взволнованно биться. Есть легенда про то, как давным-давно гениальный скульптор Пигмалион изваял прекрасную статую и назвал ее Галатеей. И случилось так, что мастер влюбился в свое творение и взмолился богам, прося оживить девушку, и те, сжалившись над ним, исполнили эту

просьбу. Что, если боги вняли и моим мольбам?

Я открыла глаза, выключила воду и вытерла ладонями с лица капли.

Какая же ерунда лезет в голову! Разумеется, этого быть не может. Кто в мое время верит в ожившие статуи? Со времен изобретения компьютера и первых космических полетов на земле почти не осталось чудес.

Зеркало в ванной затуманилось, и из него на меня глядела таинственная незнакомка, едва различимая в мозаике мелких капель.

– Дис – это Дис, и только, – сказала я ей. – Этого достаточно, нечего придумывать всякие глупости. Нечего загадывать, что случится завтра, – если сегодня мне представилась возможность быть счастливой, я не стану омрачать ее ничем.

Завернувшись в пушистое белое полотенце, я вернулась в комнату.

Подруги сидели на Наташкиной кровати и при моем появлении смолкли так внезапно, что не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы догадаться: они говорили обо мне. И о Дисе.

– Кать... – начала Наташка. – Мы все-таки думаем, кто он и откуда взялся...

Я остановилась прямо напротив них и сложила руки на груди. С мокрых волос капало, нарушая торжественную строгость облика, ну да ладно.

– Я не хочу, чтобы вы вмешивались в мою частную жизнь.

Понятно? Вопросы? Возражения? – четко проговорила я.

Наташка со Светкой переглянулись.

– Ну хорошо. Мы поняли, не сердись, – Светка улыбнулась и виновато развела руками. – Мы просто волнуемся за тебя. Но раз все в порядке – вот и отлично. Садись к нам, мы как раз фотки первого дня смотрим.

– Там есть несколько очень милых твоих фотографий, – добавила Наташка.

Обе столь явно пытались наладить со мной контакт, что я улыбнулась и сдалась. Спустя некоторое время мы уже смотрели снимки, смеялись и болтали о чем-то несущественном, но забавном.

Завтракали мы вместе. Намазывая на булочку масло, я вдруг поняла, что не могу есть. Моими мыслями опять завладел Дис. Даже странно, как я умудрилась забыть о нем вчера, заболтавшись с подругами?..

Светка и Наташка заметили мое состояние и держались со мной как с тяжелобольной или свихнувшейся, стараясь не задевать меня. Наташка побежала мне за кофе, а Светка притащила кусок сладкого пирога. Между прочим, совершенно напрасно, потому что аппетита у меня не было, я не осилила даже булочку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.